

Е Цзюньшу и понятия не имел о том, что творится в уезде — он был слишком занят воспитанием своих домашних сорванцов.

У-ва и Лю-ва, которым пошел лишь четвертый год, становились всё проказливее. Мало того что они вечно гоняли кошек, задирали собак и пугали кур с утками, так на днях еще и умудрились забрести на чужое поле, изрядно подпортив посевы.

Для крестьянина урожай — дело святое. Узнав о проделке, Цзюньшу тут же отшлепал обоих по ладошкам и заставил стоять лицом к стене, раздумывая над своим поведением. Он корил себя за то, что слишком много времени проводил в лесу и в городе, обделяя детей вниманием, из-за чего те начали отбиваться от рук. Поэтому последние несколько дней он не отлучался из дома, целиком посвятив себя воспитанию.

В этот момент близнецы стояли в кабинете, прижавшись носами к стене. Каждый удерживал на макушке по книге, придерживая их пухлыми ручонками за края.

— Братец У-ва, когда это наказание закончится? — прошептал Лю-ва. Его руки уже совсем затекли.

У-ва с самым серьезным видом надул щечки:

— Лю-ва, когда старший брат остынет, тогда и закончим.

— О-о... — Лю-ва обиженно выпятил нижнюю губу. — А когда он остынет?

— Скоро. Мы ведь уже осознали свою вину и хорошенько раскаялись!

— Понятно...

Едва за дверью послышался шорох, оба мгновенно умолкли. Они вытянулись в струнку, прилежно прижимая книги к головам и сверля стену взглядом — само воплощение раскаяния.

— У-ва, Лю-ва, идите скорее перекусите! Мы принесли вам сладости.

Услышав голос третьего брата, близнецы обернулись.

Увидев Лу-гэра и Цинь-гэра, они радостно закричали:

— Третий брат! Четвертый брат!

Малыши были в восторге от принесенных бобовых пирожных, но, вспомнив о наказании, вздохнули:

— Братья, мы с Лю-ва еще «раздумываем над поведением»!

— Ничего страшного, старший брат сейчас на огороде, а второй брат стоит на шухере! Если он пойдет сюда, второй брат нас предупредит, — поманил их Лу-гэр.

Услышав это, У-ва и Лю-ва, не снимая книг с голов, вприпрыжку подлетели к братьям.

— Лю-ва, ешь скорее, каждому по две штуки! — Цинь-гэр протянул кусочек подбежавшему младшему.

Лю-ва сначала откусил сам, а потом схватил второй кусок и поднес к губам Цинь-гэра:

— Четвертый брат, ты тоже ешь.

Тот погладил малыша по голове и улыбнулся: — Ешь сам, Лю-ва, я уже пробовал.

— Всё равно ешь! — Лю-ва сладко улыбнулся и сам запихнул сладость брату в рот. — И третий брат пусть ест! Всем по кусочку!

— Ешьте, ешьте, — ласково сказал Лу-гэр. — Мы правда уже ели. Только не торопитесь, не подавитесь!

В комнате воцарилась идиллия, но внезапно у двери раздалось нарочитое:

— Кхм-кхм!

У-ва и Лю-ва, едва услышав это, схватили книги и на всех парах — топ-топ-топ — бросились на свои места, водружая «груз» на макушки и замирая у стены. Лу-гэр и Цинь-гэр тем временем лихорадочно уничтожали улики.

Е Цзюньшу вошел с бесстрастным лицом. Следом за ним, почесывая затылок, плелся второй брат. Он бросил на Лу-гэра и Цинь-гэра виноватый взгляд — мол, хотел предупредить, да старший брат поймал с поличным...

Цзюньшу обвел мелюзгу строгим взором. Ишь ты, заговорщики! Неужели они думали, что он не заметит их мелких интрижек за спиной?

Лу-гэр и Цинь-гэр тут же напустили на себя самый невинный вид:

— Старший брат.

Цзюньшу подошел к близнецам и медленно обошел их кругом. У У-ва в уголке рта еще не были стерты крошки пирожного — улика налицо.

— Брат, У-ва и Лю-ва уже всё осознали, — начал заступаться Лу-гэр. — Они стоят здесь уже целый час!

Близнецы тут же подхватили хором: — Старший брат, мы всё поняли!

Цзюньшу заложил руки за спину, напустив на себя авторитетный вид:

— И в чем же ваша вина?

У-ва: — Мы не должны были вырывать посевы на поле дяди Ху.

Лю-ва: — Мы не должны были губить еду.

Дуэтом: — Мы больше не будем!

Чжоу-цзы, Лу-гэр и Цинь-гэр тоже подошли и встали в ряд. Пятеро братьев стояли, понуриив головы в знак покаяния.

— Брат, я тоже виноват, — сказал Сяо Шань. — Это я не усмотрел за младшими, вот они и натворили дел. Из-за этой шалости фулану Ху представился случай полдня поливать их руганью, а старшему брату пришлось идти извиняться.

Лу-гэр добавил: — Брат, но они ведь сделали это не просто так.

Цинь-гэр молчал, но смотрел на Е Цзюньшу полными мольбы глазами.

Цзюньшу окинул их тяжелым взглядом, заставив каждого еще ниже опустить голову, и только потом заговорил:

— Я уже во всем разобрался. Второй сын семьи Ху насмеялся над Цинь-гэром и обижал его. То, что вы заступились за брата — правильно. Но ваши методы — детские и полны ошибок. Как говорится, у каждой обиды есть виновник. Раз виноват второй сын Ху, то и спрашивать нужно было с него. А когда вы пошли и выдрали их урожай, вы превратили правду в кривду.

Если бы братья просто проучили обидчика — скажем, подкараулили и надели мешок на голову — семья Ху и слова бы не пикнула по справедливости. Но близнецы погубили зерно. Пусть пострадал лишь крошечный клочок земли, теперь виноватыми выглядели они сами, и Е Цзюньшу пришлось идти на поклон к соседям.

Впрочем, Цзюньшу не дал себя в обиду: извиняясь, он так отчитал того мальчишку, что заставил его просить прощения у Цинь-гэра, а фулана Ху довел до немоты своим красноречием. Он не собирался позволять кому-то обижать своих «птенцов», но поступок близнецов действительно был неверным. Цзюньшу злился не на само заступничество, а на то, что такие методы вызывают у людей отторжение.

В деревне зерно — святыня. Погубить чужой урожай — это почти то же самое, что обречь соседа на голодную смерть. В эти времена такое кощунство считалось преступлением, за которое карают небеса. Малое ведет к большому, и даже если близнецы еще крохи, он не мог

закрывать на это глаза. Он верил, что дети они добрые, просто в силу возраста не понимают границ. Ему пришлось быть суровым, чтобы этот урок врезался им в память.

У-ва впервые видел брата таким строгим. Ему было страшно, он изо всех сил сдерживал слезы, боясь увидеть в глазах Цзюньшу разочарование:

— Брат, мы правда поняли!

Лю-ва уже всю залит слезами, но не смел всхлипывать вслух. Брат всегда баловал их, а сегодня они впервые получили по рукам и стояли в углу. Лю-ва было невыносимо грустно!

Сердце Цзюньшу дрогнуло, но он продолжал держать лицо.

— Впредь посмеете так поступать?

— Нет, не посмеем! — сквозь слезы выдавил У-ва.

Лю-ва не выдержал первым: с громким «ва-а-а!» он бросился к Цзюньшу, обхватил его ногу и зарыдал в голос. У-ва тут же прильнул к другой ноге, размазывая слезы кулачками:

— Старший брат...

Тут уж Цзюньшу не смог больше хмуриться. Вздохнув, он прижал обоих малышей к себе и посмотрел на трех старших братьев:

— Если вас кто-то обидит — возвращайтесь и говорите мне.

Что бы ни случилось, у вас есть я, ясно? Сяо Шань и остальные закивали. Глядя на рыдающих близнецов, они сами едва не плакали от жалости.

Наказание было окончено. Цзюньшу достал сладости, принесенные из города, чтобы утешить детей, и инцидент был исчерпан.

В зале расшатался стул: садиться на него было опасно — он скрипел и грозил развалиться в любой миг. Цзюньшу вынес его во двор и принялся чинить, стуча молотком.

За работой его застал аму Мин:

— Цзычжоу, чинишь мебель?

Цзюньшу поднял голову и улыбнулся:

— А, аму Мин! Что-то случилось?

— Да вот, твой дядя Хуа и Цзюньи отправились в уезд на заработки. Пришел спросить, не хочешь ли и ты с ними, — радостно сообщил гость.

— На заработки? — Цзюньшу удивился.

Скоро ведь жатва, почему дядя Хуа и Цзюньи-гэ уезжают из деревни именно сейчас?

— Да понимаешь, вчера деревенские в городе видели указ: наш судья набирает рабочих для строительства дома. Берут всех желающих! Твой дядя Хуа ходил разузнать, и их приняли. Это же в нашем уезде, считай, рядом с домом. К жатве как раз вернутся. Платят хорошо, да еще кормят и жилье дают!

Для семьи Мин это было сродни манне небесной. С тех пор как Е Цзюньчжи пошел в школу, денег в доме заметно поубавилось, и такой шанс нельзя было упускать.

— Цзычжоу, может, и ты попробуешь? Руки у тебя на месте, лишняя копейка не помешает.

Мин-аму искренне переживал за парня. Тот после траура никак не мог найти постоянное дело в городе, перебивался охотой, а земли у него — всего два му, да и те не лучшие. А ведь младшим нужно будет приданое, самому Цзычжоу скоро жениться... на всё нужны деньги.

Е Цзюньшу чуть приподнял брови:

— Я ведь никогда не строил дома. Боюсь, только мешаться буду.

— Да дядя Хуа тебя пристроит, быстро научишься! Там больше грубая сила нужна. Работа пыльная, тяжелая, но платят двенадцать медных монет в день! За пару недель приличная сумма набежит.

«С чего это судья вдруг затеял стройку?» — промелькнуло в голове у Цзюньшу. В их тихом уезде десятилетиями ничего не менялось, судья Ван обычно и пальцем о палец не ударял, а тут такой масштаб.

— А что именно строят, Мин-аму?

— Да я и сам толком не знаю. Муж говорил, вроде как приехал к нам в уезд какой-то важный господин из столицы. Вот судья и расширяет поместье, чтобы гостю было где поживать с комфортом.

«Важный господин?» — Цзюньшу задумался, но так и не смог прийти ни к какому выводу.

Не то чтобы Цзюньшу плохо думал о родных краях, но места здесь были богом забытые и бедные — с чего бы вдруг какому-то знатному господину сюда заявляться? Да еще и дом строить... Судя по всему, уезжать в ближайшее время он не собирался. Все это больше походило на ссылку или изгнание.

Неужели он всего два дня не был в городе, а новости уже так устарели?

Цзюньшу хотел расспросить подробнее, но Мин-аму, похоже, сам больше ничего не знал. Юноша решил, что надо бы на днях наведаться в уезд и разведать обстановку. Люди в этих краях по большей части простые и бесхитростные; если прибыл какой-нибудь заносчивый и капризный вельможа, жди беды.

Впрочем, Е Цзюньшу тут же прикинул, как на этом заработать. В ближайшие дни стоит поохотиться поусерднее. Трактир дяди Пана — самый большой в уезде, и такой важный гость наверняка станет его клиентом. Цзюньшу потер подбородок, в уме уже всю щелкая счетами: дяде Пану точно понадобится больше дичи, а значит, можно будет сторговаться по хорошей цене.

— Цзычжоу, так ты точно не пойдешь на стройку? — переспросил Мин-аму, видя, что парень не особо загорелся идеей.

Цзюньшу с улыбкой ответил:

— Мин-аму, раз приехал важный господин, он наверняка захочет отведать чего-нибудь эдакого из лесных трофеев. Я лучше поохочусь — глядишь, выручу побольше денег.

Мин-аму подумал и согласился: дичь продавать и впрямь выгоднее, чем спину на стройке гнуть.

— Ну, тогда будь осторожнее в лесу.

— Обязательно.

...

Сказано — сделано. Чтобы добыть что-то стоящее, Е Цзюньшу решил забраться поглубже в лесную чащу. Он в одиночку углубился в самое сердце гор, выбрав склон, на который забредал нечасто.

Удача в этот раз явно была на его стороне: ему попался корень старого женьшеня, которому на вид было не меньше ста лет! За все годы это была первая по-настоящему драгоценная находка. Впрочем, после ухода дяди Ли у Цзюньшу остался мешочек серебра, так что в деньгах он пока остро не нуждался. Юноша решил приберечь корень для нужд семьи. Из дичи же удалось добыть лишь привычных зайцев да косулю, с которыми он и собрался в город.

В тот день дядя Нью не выводил свою повозку, так что Цзюньшу не пришлось вскакивать ни

свет ни заря. К тому же погода выдалась облачной: плотная пелена тумана и туч скрыла палящее солнце, а небо затянуло легкой дымкой. Теперь Е Цзюньшу умел определять время и погоду не хуже заправского крестьянина. Поняв, что дождя, скорее всего, не будет, он успокоился и вышел чуть позже обычного.

Он уже стоял на пороге, когда к дому подбежал Чжишан («маленький Чжи» или «Сяо Чжи») с книгой в руках.

— Чжишан? — удивился Цзюньшу. — Ты почему не в школе? Сегодня же не выходной.

— Цзычжоу-гэ, ты уходишь? — Чжишан, увидев снаряжение брата, совсем поник.

Он-то надеялся обсудить с ним уроки. На вопрос брата он уныло ответил:

— Учитель заболел, так что нам дали вольную.

— Заболел? — Цзюньшу тут же встревожился. — Что с ним? Seriously? Что сказал врач?

— Я толком не знаю, — вздохнул Чжишан. — Шицун пришел в школу и объявил о выходных. Он велел мне возвращаться домой и передал, чтобы ты не волновался — мол, ничего страшного.

Как тут не волноваться? Цзюньшу занервничал. Зная строгий и ответственный нрав учителя Циня, он понимал: если бы болезнь была пустяковой, тот ни за что бы не распустил учеников. С легкой хворью учитель всегда вел занятия до конца.

Желая поскорее узнать, как там наставник, Цзюньшу подхватил корзину:

— Мне нужно срочно в город. Иди поиграй с Сяо Шанем и остальными.

Сделав пару шагов, он словно что-то вспомнил, вернулся в дом, взял припрятанный столетний женьшень и только после этого поспешил прочь.

— Цзычжоу-гэ!.. — Чжишан пробежал за ним несколько шагов. Ему тоже хотелось навестить учителя, но он побоялся стать обузой, а потому уныло побрел в дом брата Цзюньшу — ждать его возвращения, чтобы первому узнать новости.

<http://bllate.org/book/15226/1355858>